

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

УДК 168.3

DOI 10.25688/2076-913X.2020.38.2.07

О.В. Трунова,

О.П. Емельянова

**Актуализация и аргументация
научного мнения**

Научная концепция, становление которой осуществляется на основе развития гипотетических предположений относительно объекта исследования, должна обладать доказательной базой, включающей в себя логически непротиворечивые теоретические посылки, коррелятивную корректность формата «объект – метод», строго обозначенные стратегии и соответствующие им аргументативные техники, обеспечивающие ее адекватное прочтение и возможности рекуррентного применения в отношении однопорядковых объектов. Существующая система аргументации научного мнения и комбинаторная вариативность аргументативных приемов представляют собой ресурс и инструментарий демонстрации состоятельности теоретических выкладок.

Ключевые слова: научная полифония; модус актуализации; аргументативные стратегии; приемы убеждения.

Специфика современной научной парадигмы выявляется в терминах антропоцентризма, междисциплинарности и полифонии. Эти свойства, возведенные в статус исходных квалификационных положений, предопределяют необходимость многомерного рассмотрения объекта. Одновременно условия стандарта академического дискурса — как раз в силу существующей научной полифонии — предполагают, что любой тезис, любое высказывание, если они (конвенционально, условно, по соглашению, по умолчанию) не принимаются в качестве аксиомы, требуют доказательства. Очевидно, что необходимость предоставления доказательной аргументации возникает в случае конфликта мнений (обусловленного разногласиями, основания которой составляют расхождения в подходах к объекту исследования в рамках разных научных направлений) относительно некоторого вопроса, когда требуется опровергнуть положения/постулаты/концепцию оппонента и (или) обосновать собственную точку зрения [12, р. 1]. В ситуации научного

многоголосия доказательность авторского понимания и авторской концепции приобретает особую значимость и силу.

Хорошо известно, что Аристотелем были выведены три базовых формата обоснования высказываемых постулатов: логика, диалектика и риторика [4]. Они различались по целевой установке и целевой аудитории, по алгоритму формирования и приемам актуализации. Считается, что риторика предполагала усиление выразительности речи, тем самым апеллируя скорее к эмоциональной реакции реципиента, логика апеллировала к истине (*ad veritatem*¹), приемля два конечных результата в дихотомии «истинно – ложно» (принцип *tertium non datur*²). В связи с этим в современной теории аргументации естественным образом возникает вопрос о сущности и разграничении понятий указанной триады, составляющих платформу рассуждений Аристотеля, поскольку в структуру доказательств могут включаться не только исходный постулат и подтверждающие его валидность положения, но и собственно человеческий фактор. При этом если предназначением логики служит доказательство истинности утверждаемого независимо от контекста и ситуации (собственно научный ракурс представления объекта), диалектика рассуждений являет собой доказательство как убеждение другого лица в уже установленной истинности утверждаемого и поэтому подразумевает обязательное наличие собеседника в диалоге, а риторика есть работа на аудиторию, которая основывается не на строго научных посылах, но на общности знаний (*shared knowledge*) продуцента и реципиента [9, p. 185–186].

Когда речь идет о доказательной силе научного постулата, можно с уверенностью утверждать, что при любом виде речевой актуализации в качестве аргументативных приемов могут быть использованы все три вида обоснования высказываемого, описанных Аристотелем. Сомнения по этому поводу в ряде случаев подтверждаются, например, тем, что академические публикации не предполагают ни наличия собеседника, ни лекционной аудитории, что исключает возможность прямого воздействия при помощи диалектических и риторических приемов: нет диалога, не с кем спорить, некому доказывать. В действительности это не так, поскольку научный труд, научная публикация всегда предполагает либо расширение некоторой концептуальной базы, либо опору на определенные положения известной теории, либо ее опровержение. Автор труда делает это не из побуждений убедить самого себя (он убежден, что его рассуждения верны), но потому, что есть необходимость доказать последовательность и состоятельность положений теории и получаемые выводы.

Лингвистический ракурс рассмотрения этой проблемы выходит за рамки как философской трактовки понятий «знание», «мнение», «убежденность», «вера», поскольку гиперонимом этого кластера является понятие «истина»,

¹ К истине (*лат.*).

² Третьего не дано (*лат.*).

так и за рамки формальной логики, поскольку истинность выводного знания как ментальной сущности не определяема на основе сугубо лингвистических критериев [10]. Теоретическая платформа лингвистического анализа в этом случае выстраивается с опорой на эпистемические постулаты и логику умозаключений. В вербализации они представляют собой единства сложно организованных синтаксических моделей развития текста от постулируемого положения к его обоснованному утверждению и позиционируются в границах оценочных высказываний по абсолютным оценочным предикатам «знать – полагать» (эпистемическая оценка) и «хорошо – плохо» (аксиологическая оценка). Вместе с тем признание коррелятивных отношений между единицами логики и языка (суждение/умозаключение – предложение) [7] дает основания для использования понятийного аппарата логических исследований в области лингвистического анализа в целях выявления и систематизации языкового ресурса актуализации аргументативных схем, используемых в академическом дискурсе.

Разграничение III. Балли в коммуникативной структуре предложения диктума (что?) и модуса (как?) в семантическом плане соответствует разграничению пропозиционального содержания высказывания и надпропозициональной настройки, модифицирующей содержание высказывания в диапазоне эпистемических и аксиологических оценочных смыслов:

1. Such, *I believe*, in general terms would be Chomsky's answer to the question: why has his work exercised so great an influence?³ [1, p. 30],

а также аксиологических:

2. *It is regrettable* that throughout Chomsky's later writing he adopts the same tone towards anyone whose view of linguistic theory or method is different from his own⁴ [1, p. 35].

Конвенциональный модус имеет двухчастную субъектно-предикатную структуру (I / scholars / some linguists – believe / presume / guess / like / appreciate / approve)⁵. Модификации базовой модусной модели не дают широкого структурного диапазона, ограничиваясь пассивными трансформациями (it / this / something is said / considered / believed / proved / well known) и безглагольными «свернутыми» выражениями (presumably, obviously, actually, surely, likely)⁶. Статусная квалификация модуса (эпистемический/аксиологический) детерминирована характером (семантикой) его предиката. Эпистемический модус эксплицирует рациональную оценку в противопоставлении понятий «знать – полагать», которые в терминах лингвистического подхода выражают,

³ Таковым, *я полагаю*, мог бы быть ответ Хомского на вопрос: почему его работа оказала такое большое влияние? (Здесь и далее курсив и перевод наш. — О. Т., О. Е.)

⁴ *К сожалению*, во всех своих более поздних трудах Хомский придерживается такого же отношения ко всем, чья точка зрения относительно лингвистической теории или метода отличается от его собственной.

⁵ (Я/ученые/некоторые лингвисты – полагаю/допускаю/считаю/понимаю/соглашаюсь).

⁶ (Предположительно, очевидно, действительно, точно, возможно).

соответственно, знание и мнение продуцента речи, а в терминах логической интерпретации являются квалификаторами суждения в плане его достоверности, т. е. соответствия реальности [3]. Предназначение аксиологического модуса заключается в выявлении и объективации смыслов, основывающихся на ценностных доминантах социума и личности, выявляемых приравниванием предикатов модуса к абсолютным оценочным предикатам «хорошо – плохо» [5].

Оба типа модусов реализуются в структурах, представляемых в логике формулой: «Это есть F, что P», где символ «F» обозначает модус, а символ «P» — пропозицию. Таким образом, оба типа модусов сопряжены с пропозициями, которые они характеризуют исходя из прагматических предпосылок продуцента речи, и являются нормативно, ситуативно и контекстуально обусловленными, т. е. вписываются в структуры социальных законов, отражают условия коммуникации и конгруэнтны ее вербальным репрезентантам.

Будучи структурно главным компонентом конструкции, семантически модус не является самодостаточным и требует опоры на формально зависимый структурный компонент — диктум, семантическую основу которого составляет пропозициональное содержание. По характеру предиката разграничиваются пропозиции событийные, коррелирующие с реальным положением дел, и логические, являющиеся результатом ментальных действий логического вывода [12]. Еще одним классификационным критерием для квалификации пропозиций является критерий верифицируемости [6]. Этот показатель важен, поскольку характер пропозиционального содержания определяет возможность вхождения пропозиции в модусную рамку.

Доказательная база может выстраиваться на основе очевидных примеров, подтверждающих правомерность делаемого заявления (эмпирический, в ряде случаев неопровержимый прием) или на основе последовательных логических доводов. Логика доказательности одновременно является и простой, и сложной. Ее видимая простота заключается в строго определенном следовании базовым постулатам теории аргументации, которая в современной интерпретации отстает от поиска сакраментальной истины и понимается как «определенная человеческая деятельность, протекающая в конкретном социальном контексте и имеющая своей конечной целью не знание само по себе, а убеждение в приемлемости каких-то положений» [7, URL].

Аргументативные техники (приемы) могут отличаться в разных дискурсных типах, классифицируемых по характеру актуализации — устный / письменный, по уровню актуализации — институциональный / персональный, по актуализационной платформе — *ad rem* (с опорой на логику рассуждений) / *ad hominem* (с опорой на авторитетное суждение). Комбинаторная вариативность типов дискурсов по трем параметрам определяется числом восемь. Каждый из восьми типов должен иметь уникальный, только ему присущий набор параметров, которые предопределяют как выбор аргументативных техник, так и алгоритм их взаимодействия в цепочке доказательств. Кроме этого,

параметрическим показателем является жанр текста, расширяющий типологическую сетку дискурсного пространства.

Классической классификационной диадой персонального и институционального типов дискурса, изначально основывающейся на критериях количественной оппозиции и противопоставления неофициального характера общения официальному [8], была создана платформа для более глубокого изучения невербальных, конситуативных признаков и вербальной специфики типов институционального дискурса. В отличие от устного (в определенной мере и письменного) неофициального дискурса, в котором требования, ограничивающие лексические поля, являются размытыми, грамматические структуры упрощенными и допускаются усеченные синтаксические конструкции, и некоторые отступления в последовательности изложения существа предмета коммуникации, язык официального дискурса в любом из его субклассификационных сегментов подчиняется строгой регламентации и выполнению требований нормы. Основными требованиями к институциональным типам дискурса является логика структурирования (последовательность рассуждений и выводов) и фактивная засвидетельствованность (эвиденциальность).

Базовый алгоритм развертывания аргументации включает в себя последовательность «тезис – основной аргумент – сопутствующие аргументы – экзemplификация – анализ, поясняющий доказательную силу приводимых примеров». В качестве иллюстрации сказанного приведем пример из работы С. Пинкера «Язык как инстинкт», опровергающего гипотезу лингвистического детерминизма, согласно которой лексический потенциал и формальные категории языка детерминируют организацию мыслительных процессов и предопределяют характер мировосприятия человека:

3. «In much of our social and political discourse, people simply assume that words determine thoughts»⁷ [2, p. 59–64].

В противовес этому автор формулирует свой основной тезис:

3.1. «There is no scientific evidence that languages dramatically shape speakers' ways of thinking»⁸ [2, op. cit.].

И далее раскрывает проблему, анализируя концепцию лингвистической относительности, известной в отечественном языкознании как гипотеза Сэпира – Уорфа. Как частный пример приводится утверждение Б.Л. Уорфа об отсутствии в языке индейцев Хопи лексических и грамматических маркеров времени как детерминирующем факторе индифферентности представителей этой народности к темпоральным параметрам событийных ситуаций (принцип декларации таков: нет слова, нет явления), в то время как процесс в действительности идет обратным путем: от восприятия объекта к вербальной

⁷ В социальном и политическом дискурсе в большинстве случаев просто (бездоказательно) принимается допущение, что язык определяет мышление.

⁸ Научно не доказано, что язык оказывает определяющее воздействие на образ мышления.

экспликации его данности. Линия доказательств С. Пинкера выстраивается с опорой на цитируемый постулат своего научного пропонента:

3.2. «Whorf wrote that the Hopi language contains «no words, grammatical forms, constructions or expressions that refer directly to what we call “time”»⁹ [2, op. cit.],

на основе которого Б.Л. Уорф делает вывод об отсутствии в когнитивной картине мира племени Хопи представления о времени как таковом:

3.3. «...the Hopi had no general notion or intuition of time»¹⁰.

Дальнейшая контраргументация С. Пинкера включает в себя: а) контрастные примеры, свидетельствующие о наличии в языке Хопи не только лексических единиц темпорального поля, но и грамматических форм и, самое интересное, метафор со значением времени (аргументация на уровне эвиденциальности фактов); б) возможность перевода темпоральных смыслов с языка Хопи на английский (следовательно, на любой другой) язык (один из доказательных приемов); в) ссылки на труды известного этнографа Эккерхарта Маалотки. Такая последовательность рассуждений, логика формирования выводного знания позволяют сделать вывод о том, что:

3.4. «Their <the Hopi> culture keeps records with sophisticated method of dating, including horizon-based sun-calendar, exact ceremonial day sequences, knotted calendar strings, notches calendar sticks and several devices for time-keeping using the principle of sundial»¹¹ [2, op. cit.].

В качестве аргументативных приемов в академическом (филологическом) дискурсе также используются сопоставления (явлений внутри одного языка и с разными языками), вопросно-ответные комплексы:

4. «If thoughts depended on words, how could a new word ever be coined? How could a child learn a word to begin with? How could translation from one language to another be possible?»¹² [2, p. 58],

количественные подсчеты и статистические измерения.

В рамках формального подхода аргументация представляет собой логическую последовательность утверждений, подкрепляемых конкретными данными (фактами). В зависимости от интенций продуцента речи может быть

⁹ Уорф писал, что в языке Хопи «нет слов, грамматических форм, конструкций или выражений, которые можно считать непосредственными коррелятами того, что мы (в английском языке) называем “временем”».

¹⁰ ...у Хопи нет ни общего понятия, ни интуитивного представления о времени.

¹¹ Их <Хопи> культура хранит память о событиях, используя сложные приемы и методики их датирования, включая солнечный календарь, определение точной последовательности проведения обрядов и ритуалов, календарные веревочки с узелками, зарубки на палочках и несколько видов устройств для исчисления времени, использующих принцип солнечных часов.

¹² Если бы мышление зависело от языка, как могли бы возникать новые слова? Как мог бы ребенок узнавать (новые) слова? Как был бы возможен перевод с одного языка на другой?

использован один из трех базовых вариантов аргументации: классический, или традиционный, модель Тулмина или модель Роджера. Классическую модель организуют шесть составляющих: интродукция, раскрывающая собственно проблему, проблемное поле, в рамках которого она позиционируется, тезис, предположительно прогнозирующий решение проблемы, подтверждающие его факты, контрдоказательства и заключение. Британский философ С.Э. Тулмин, который предложил модель, получившую широкое распространение в практике аргументативной коммуникации [14], считает более соответствующим достижению поставленной цели заключение всех этапов доказательства правомерности предлагаемой концепции в рамки, ограничиваемые утверждением авторской позиции относительно проблемы (*claim*) — отправная точка всего процесса и рассмотрением могущих возникнуть контрдоказательств и опровержений (*conditions of rebuttal*) — завершающий этап коммуникативного акта. При этом особая значимость придается общей доказательной платформе (*warrant*) и силе доказательности используемых приемов (*support*), установлению границ аппликативности (*qualifiers*) заявленной концепции и условий опровержения точки зрения оппонентов (*conditions of rebuttal*).

В отличие от британского философа, американский психотерапевт Карл Рэнсом Роджерс считает, что аргументация должна быть направлена не на доказательство как единственно возможной идеи пропонента (возможно, поэтому модель Тулмина несколько более агрессивная), а на достижение консенсуса между оппонентами в ситуации разного видения проблемы и разных подходов к решению вопроса. Такая позиция предполагает а) детальное введение в проблематику, б) анализ существующих точек зрения, в том числе противоположных и взаимоисключающих, в) создание непротиворечивой доказательной платформы, г) концентрацию внимания на (в большей степени) преимуществах позиции оппонентов, д) исчерпывающее описание собственной точки зрения, е) поиск консенсуса [13]. Специфика этой модели с точки зрения стратегической направленности заключается в поиске общих оснований для объединения разных позиций в решении стоящей задачи.

Понимая под стратегией общий план структурирования (последовательности использования) аргументативных приемов, отметим, что выбор алгоритма доказательства научной точки зрения зависит от таких ключевых факторов, как тип институционального дискурса (в данном случае в большей степени имеется в виду академический дискурс), цель дискурсивной практики, область научного исследования, тип научной работы (диссертационное исследование, научная статья, тезисы, обзор, реферат, доклад), существующие конвенции, авторские предпочтения и идиостиль. Безоговорочными требованиями являются: непротиворечивая научная платформа анализа материала, четкая вербализация собственного исходного постулата (тезиса), логически последовательное изложение подтверждающих его теоретических посылок (дедукция), формулировка вывода на основе анализа фактического материала (индукция), корректная оценка достигаемого результата.

Библиографический список

Источники

1. *Hunston S. Thompson G.* Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse. Oxford; New York: Oxford University press, 2001. 240 s.
2. *Pinker S.* The Language Instinct: How the Mind Creates Language. New York: W. Morrow & Co., 1994. 483 s.

Литература

3. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
4. *Аристотель.* Риторика // Античные риторики: собр. текстов / под общ. ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1978. С. 15–164.
5. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 226 с.
6. *Зализняк А.А.* Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
7. *Ивин А.А.* Практическая логика: учеб. пособие / под ред. А.А. Ивин. М.: Фаир-пресс, 2002. 288 с.
8. *Карасик В.И.* Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. 228 с.
9. *Мигунов А.И.* Логика, аргументация, диалектика, риторика: коннотации и корреляции // Логико-философские штудии. 2016. № 14. С. 184–201.
10. *Трунова О.В.* Природа и языковой статус категории модальности. Барнаул; Новосибирск: Изд-во БГПИ, 1991. 130 с.
11. *Снегирева И.А.* Лингво-философские аспекты изучения пропозиции // Вестник Ставропольского государственного университета. Сер.: Филологические науки. 2009. № 60. С. 113–119.
12. *Eemeren F.H. van.* Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishibg Company, 2010. 308 s.
13. *Rogers C.R.* A Way of Being. Boston; NY: Houghton Mifflin Company, 1980. 149 s.
14. *Toulmin S.E.* The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 240 s.

References

Istochniki

1. *Hunston S. Thompson G.* Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse. Oxford; New York: Oxford University press, 2001. 240 s.
2. *Pinker S.* The Language Instinct: How the Mind Creates Language. New York: W. Morrow & Co., 1994. 483 s.

Literatura

3. *Arutyunova N.D.* Tipy` yazy`kovy`x znachenij: Ocenka. Soby`tie. Fakt. M.: Nauka, 1988. 341 s.
4. *Aristotel`.* Ritorika // Antichny`e ritoriki: sobr. tekstov / pod obshh. red. A.A. Taxo-Godi. M.: Izd-vo Moskovsk. un-ta, 1978. S. 15–164.

5. *Vol'f E.M.* Funkcional'naya semantika ocenki. M.: Nauka, 1985. 226 s.
6. *Zaliznyak A.A.* Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013. 640 s.
7. *Ivin A.A.* Prakticheskaya logika: ucheb. posobie / pod red. A.A. Ivin. M.: Fair-press, 2002. 288 s.
8. *Karasik V.I.* Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: sb. nauch. tr. / pod red. V.I. Karasika, G.G. Slyshkina. Volgograd: Peremena, 2000. 228 s.
9. *Migunov A.I.* Logika, argumentaciya, dialektika, ritorika: konnotacii i korrelyacii // Logiko-filosofskie shtudii. 2016. № 14. S. 184–201.
10. *Trunova O.V.* Priroda i yazykovoj status kategorii modal'nosti. Barnaul; Novosibirsk: Izd-vo BGPI, 1991. 130 s.
11. *Snegireva I.A.* Lingvo-filosofskie aspekty izucheniya propozicii // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologicheskie nauki. 2009. № 60. S. 113–119.
12. *Eemeren F.H. van.* Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishig Company, 2010. 308 s.
13. *Rogers C.R.* A Way of Being. Boston; NY: Houghton Mifflin Company, 1980. 149 s.
14. *Toulmin S.E.* The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 240 s.

O.V. Trunova,

O.P. Emel'yanova

Actualization and Argumentation Methods to Support Scientific Opinion

A scientific theory being developed by speculative assumptions towards the object of the study must abide by the evidence-based approach. The latter includes claims based on a set of consistent assumptions; correlation within «object-method» framework while providing convincing conclusions; designated strategies and corresponding argumentation practices that altogether guarantee relevant interpretation of the theory as well as its recurrent application to coordinate subject matters. The current argumentation system of scientific opinion and combinative variation of verification methods represent the trustworthy toolkit to validate the consistency of theoretic assumptions.

Keywords: scientific polyphony; actualization mode; argumentation strategies; persuasive methods.